

Небо по-прежнему было мрачным, чёрным и давящим, что раздражало, но для Тянь Фан это был самый прекрасный цвет в мире.

Тянь Фан дрожала, не зная, что делать, ходила вокруг кровати, не решаясь уйти. Она хотела позвать врача, но боялась, что это всего лишь сон, и не могла оторваться, только надеялась, что Лян Цзяньлян вернётся поскорее.

— Вэнь, ты хочешь пить? Что-то болит?

Тянь Фан спросила тихо, боясь, что громкий голос напугает Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь покачал головой, его глаза упорно смотрели на рукав Тянь Фан. Она наконец поняла, на что он смотрит, и поспешно спрятала руку за спину, смущённо сказав:

— Вэнь, не смотри, мамина одежда грязная. Я пойду постираю.

С этими словами она достала таз с холодной водой.

Лян Цзивэнь смотрел на неё, пытаясь протянуть руку, но сил не хватило, и он едва поднял её. Тянь Фан, заметив это, сразу же поставила таз и спросила:

— Что случилось, Вэнь? Скажи маме, не двигайся.

Лян Цзивэнь открыл рот, с трудом произнеся:

— Вода холодная.

Они находились на севере, и в это время года температура могла опускаться ниже нуля, поэтому стирка в холодной воде, даже рукава, могла привести к обморожению, особенно если вода оставалась в одежде.

Тянь Фан была и грустна, и рада: грустна от того, что Лян Цзивэнь десять лет был душевнобольным, а рада тому, что сын так заботится о ней. Её материнское сердце растаяло.

— Не холодно. Мама подождёт, пока папа вернётся, я добавлю горячей воды, тогда не будет холодно.

Тянь Фан села на кровать, тихо разговаривая с ним. Лян Цзивэнь иногда отвечал «угу». Даже такие односложные ответы радовали её.

На соседней койке лежала девушка лет семнадцати-восемнадцати, с желтоватым лицом и синяками, которая мало говорила. Её семья не появлялась, и она спала по двадцать часов в сутки.

Снаружи раздался шум, и вскоре двое женщин лет тридцати втащили девочку лет десяти, толкая её, за ними шла плачущая старуха.

Девочка, видимо, была избалована, кричала:

— Вы скорее отпустите меня, вы не цените моего отношения! Отпустите, мне больно!

Старуха, слыша это, поспешила за ними, но её движения были медленными, и она только ругалась:

— Вы, семья Шэнь, бессовестные! Ваша дочь не может родить сына, зря потратили наши сотни килограммов зерна, а теперь ещё и смеете тащить мою внучку. Отпустите её!

— Пф! Вы, семья Сунь, одни негодяи! Наша прекрасная дочь вышла замуж в вашу семью, служила вам всем сердцем, а вы ни слова благодарности, не кормили, не одевали, только и знали, что командовали. Чуть не погубили её! А вы ещё смеете обвинять нас, как вам не стыдно!

Одна из женщин, тащившая девочку, обернулась, указывая на старуху, руки на бёдрах, голос громкий и резкий.

— Вы, деревенщина, ваша дочь вышла замуж за моего внука, это большая удача! Вышла замуж в нашу семью, умрёт — будет нашей, что мы делаем, вас не касается!

Старуха не отставала, но её слова о «деревенщине» вызвали недовольство многих в палате.

— А вы думаете, городские такие важные! Сейчас какое время? Время, когда Председатель ведёт нас, время, когда народ сам управляет! Ваши слова — это пренебрежение к Председателю, это классовая борьба! Вы дискредитируете трудящийся народ!

Другая женщина тоже повернулась. Она была малограмотной, но эти слова слышала от деревенского старосты, и, хоть и не полностью запомнила, смогла составить внятную речь.

Городские считали себя выше деревенских, это было всем известно. Кто не хотел быть городским, есть пайки, жить в хороших домах? Но об этом нельзя было говорить открыто, особенно сейчас, когда провозглашалось всеобщее равенство.

Старуха, понимая серьёзность ситуации, сразу же сменила тон:

— Трудовой народ самый почётный, а вы, паразиты, только и знаете, что сосёте кровь из нашей семьи!

Тянь Фан, слушая это, нахмурилась. Она жила в деревне и видела более шумные ссоры, но сейчас её сыну нужен покой, и такой шум явно не подходил.

Она хотела вмешаться, но боялась, что это затронет их. Сама она не боялась, но сейчас она была одна, сын лежал в больнице. И хотя она хотела остановить ссору, у неё были опасения, поэтому она вышла и позвала медсестру.

Строгая медсестра отругала их, и обе стороны успокоились, выйдя продолжать ссору на улице, оставив несчастного пациента в кровати.

Тянь Фан, глядя на соседнюю девушку, почувствовала жалость. В такой холод её семья даже не позаботилась о том, чтобы арендовать постельные принадлежности, оставив её одну дрожать от холода, свёрнутой калачиком.

Она дала девушке своё старое пальто, которое принесла для смены. Оно было пошито пять-шесть лет назад, снаружи было несколько заплат, а внутри — больше десятка.

— Спасибо.

Девушка тихо поблагодарила. Её двадцатитрёхлетнее тело из-за недоедания выглядело на семнадцать-восемнадцать, лицо было желтоватым, волосы сухими.

Тянь Фан не знала, как её утешить. Она сама была из богатой семьи, в детстве жила в роскоши. После образования страны её брат уехал, и она не сильно пострадала. После замужества жила скромно, но её семья была доброй, муж заботился о ней, единственной её бедой был сын, за которым она каждый день ухаживала. Поэтому она не могла представить, через что прошла эта «девушка».

Лян Цзивэнь, лежа в кровати, лишь молча смотрел.

Тянь Фан была замкнутой. Хотя и жалела её, не могла найти слов утешения, поэтому молча отошла. Боясь, что Лян Цзивэню скучно, она нашла верёвочку и решила научить его играть в фанты.

Лян Цзивэнь промолчал.

Тянь Фан в детстве получила хорошее образование, сочетающее западные и восточные традиции, и никогда не играла в такие игры. Этому её научила младшая дочь Лян Тин в прошлом году, и теперь она изо всех сил пыталась вспомнить, как играть, с энтузиазмом играя с сыном в игру для маленьких девочек.

Лян Цзивэнь, хотя тело всё ещё болело, играл с ней, боясь, что она будет волноваться. Через несколько раундов он не только обыграл Тянь Фан, но и сам придумал новые фигуры, что привело Тянь Фан в восторг.

Лян Цзивэнь, только что очнувшийся после тяжёлой травмы, быстро устал. Дикий кабан оставил на его теле несколько глубоких ран, а внутри из-за сбоя в практике треть меридианов была повреждена. Единственным плюсом было то, что близость к смерти позволила ему жить как нормальный человек.

Но...

Во сне Лян Цзивэнь невольно улыбнулся, думая, что если это вернёт ему нормальную жизнь и сделает семью счастливой, он готов вынести даже вдвое больше ран и разрушение всех меридианов.

В палате слышался шёпот соседних кроватей. В их палате было около десятка коек, но сейчас, во время обеда, было только пять-шесть человек. Таких, как Лян Цзивэнь, с двумя сопровождающими, практически не было.

Девушка на соседней кровати, глядя на Тянь Фан, сидящую рядом с Лян Цзивэнем с нежностью, смотрела с завистью, а затем, заметив, что Тянь Фан смотрит на неё, быстро опустила голову.

Тянь Фан, хотя и жалела девушку, понимала, что в это время, хотя и говорили о равенстве полов, на самом деле предпочтение мальчикам всё ещё существовало, и это было не лучше, чем раньше, просто теперь это не показывали открыто.

Лян Цзяньлян, вернувшись с бутылкой воды, был в растрёпанной одежде, на лице — несколько мелких царапин.